

ТЕАТР ИЛЛЮЗИЙ

Виктор Кабицкий

Виктор Кабицкий

Театр Иллюзий

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69791221

SelfPub; 2023

Аннотация

Добро пожаловать в Театр Иллюзий. Прошу, проходите, занимайте свои места. Спектакль начнется совсем скоро. Сегодня на сцене – восемнадцать рассказов в жанрах ужасов, мистики и вирд. Запомните главное: в Театре Иллюзий все не то, чем кажется. Здесь обычная старушка случайно замечает в глазок нечто жуткое, на фермерском поле появляется зловещее пугало, героя преследует странный клоун, а бывший похоронный дом ревностно хранит свои мрачные тайны. Переступите порог нашего театра и загляните за изнанку мира. Она здесь – гораздо ближе, чем кажется. Возможно, ближе, чем вам хотелось бы. Вы готовы? Впрочем, это не важно. Занавес в воздухе. Представление начинается...

Содержание

АКТ ПЕРВЫЙ: ШЕПОТ В НОЧНОЙ ТИШИНЕ	4
Он видит тебя	4
Палатка	28
Похоронный дом	42
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Виктор Кабицкий

Театр Иллюзий

АКТ ПЕРВЫЙ: ШЕПОТ В НОЧНОЙ ТИШИНЕ

Он видит тебя

Виталий Петрович Ершов поправил картину и с довольным видом отступил на шаг назад.

Полотно понравилось ему сразу, что называется, с первого взгляда. Едва вытащив его на свет из старой коробки, содержавшей еще с десяток работ никому не известных художников, он понял: картина будет принадлежать ему. Ершов проверил углы, затем внимательно осмотрел обратную сторону, но нигде не обнаружил ни имени автора, ни названия произведения. Пожав плечами, он вернулся к изучению лицевой стороны.

Выполненная маслом, картина изображала ярмарку. На заднем плане виднелся красно-белый шатер, напоминавший цирковой, а также несколько палаток и пара каруселей.

Вдоль палаток располагались многочисленные столы с яствами. В самом центре художник запечатлел посетителей ярмарки. Толпа была разношерстной – часть из них напоминала бродяг, другие же были одеты весьма пристойно, в костюмы и торжественные платья. Все они взирали на маленькую девочку в светло-голубом сарафане, застывшую в отдалении от всех у правого края картины. Девчушка, на вид не старше семи-восьми лет, указывала ручкой с вытянутым указательным пальцем куда-то вправо. Рот ее был широко открыт, будто в немом крике, а в глазах плескался ужас. Выражение лица подсказывало, что девочка вот-вот зальется слезами.

Ершов не отличался глубокими познаниями в истории и не мог сходу определить эпоху по костюмам и обстановке. То, что это не наше время, он, конечно, понимал. Скорее, вторая половина девятнадцатого или начало двадцатого века. И ладно время – даже страну определить не получалось. Каким-то образом художнику удалось совершенно исключить все, что могло намекать на место описываемых событий.

Две вещи сразу заинтересовали Ершова. Во-первых, его поразила точность, с какой художник изобразил людей из толпы. Каждый присутствовавший на картине человек имел свой собственный характер, свою индивидуальность. Художник не поленился тщательно проработать не только лица, но и детали образов. Чего стоит, например, цепочка часов, выглядывающая из кармана седовласого господина, или затей-

ливый узор на шейном платке стоявшей рядом дамы.

Ершов заметил, что на лицах многих отчетливо застыли удивление и страх. Одна из дам закрыла лицо руками, другая, кажется, готова была рухнуть в обморок. Мужчина в застиранной рубашке и коричневых брюках и вовсе был изображен на карачках, так, будто он спешно отползал в сторону, в испуге оглядываясь через плечо. Перекошенные в страхе лица еще больше заинтриговали Ершова. В конце концов, мало ли чего могла испугаться на ярмарке маленькая девочка. Но вид других персонажей прямо указывал на наличие чего-то далеко не безобидного. Чего-то, что могло напугать и взрослого человека.

Второе, что показалось Ершову странным, – картина была словно обрезана по правому краю. Вряд ли готовое полотно «подровняли» ножницами. Нет, картину изначально нарисовали с искаженной перспективой и смещенным в сторону центром, так, чтобы зрителю казалось, что справа чего-то не хватает.

Как раз там и должно было находиться нечто, испугавшее людей на ярмарке.

Несколько минут Ершов заворуженно разглядывал картину, после чего решительно повернулся к продавцу. Благообразный старичок в очках и с седой бородой, торговавший картинами на углу здания Краеведческого музея, в мгновение ока очутился рядом.

– Сколько? – спросил Ершов.

Старичок жестами извинился и показал, что он немой. Затем подхватил блокнот и спешно чиркнул цифру. Повернул блокнот к Ершову. Цена оказалась не слишком большой и не слишком маленькой. В самый раз.

Нередко Ершов отправлялся «на охоту» за новыми приобретениями навеселе. В такие моменты он, бывало, значительно переплачивал за приглянувшиеся ему картины. Зная за собой такую особенность, он старался совершать сделки лишь будучи трезвым, тем более что зарплата внештатного рецензента и редактора не позволяла особо разбрасываться деньгами. Но в последнее время периоды трезвости Ершова все больше сокращались, с математической неотвратимостью стремясь к нулю.

– Идет, – с трудом подавив отрыжку, бросил Ершов. – Я беру.

Старичок кивнул. Скользнул взглядом по культе на месте левой руки, понимающе улыбнулся. Достав листы плотной коричневой бумаги, он принялся ловко упаковывать в нее холст.

Еще пару месяцев назад Ершов готов был убить за подобный взгляд и снисходительную, «понимающую» улыбку. Как же надоели ему эти волны сострадания, навалившиеся со всех сторон, едва он пришел в себя после аварии.

В тот злополучный вечер год назад захмелевший и донельзя уставший Ершов возвращался домой из издательства. Мероприятие, запланированное как рабочая встреча с неболь-

шим фуршетом, быстро превратилось в обычную пьянку. Как всегда. Ко всему прочему, из-за утреннего дедлайна Ершов почти не спал прошлую ночь. Усталость и алкоголь смешались в опасных пропорциях. Общими усилиями они притупили разум и застлали глаза ровно настолько, чтобы Ершов вовремя не заметил красный сигнал светофора. Все бы обошлось, не будь там другой машины, что стремительно приближалась к перекрестку слева. Машины, чей водитель на секунду отвлекся, чтобы прочитать сообщение на телефоне...

Следом были свет фар, истошный гудок. Удар в водительскую дверь. Россыпь огней. Боль и темнота. Затем снова боль. Очень, очень много боли.

В сухом остатке имелись сотрясение мозга, два поврежденных ребра и сломанная в нескольких местах левая рука, куда и пришелся основной удар. Врачи делали все возможное, чтобы восстановить конечность, но после нескольких операций началось заражение. В результате руку пришлось ампутировать до локтя.

Ершов думал, что самое страшное уже позади. Но не успел он покинуть больницу, как его тут же погребла под собой лавина жалости. Исходила она как от знакомых, так и от совершенно случайных людей. Больше всего он ненавидел фразы из разряда «все могло быть хуже», «хотя бы цел позвоночник», «жизнь продолжается». Ершов терпеливо выслушивал все, что ему говорили. Иногда даже удавалось выда-

вить улыбку. Но про себя он страстно желал собрать в кучу свалившееся на него сострадание и запихнуть людям в глотку, в самые кишки, чтобы они хрипели в страшных муках, не в силах глотнуть воздуха...

Он не искал сочувствия, не хотел, чтобы его жалели. Он жаждал покоя и забытья.

И то, и другое ему частично предоставлял алкоголь.

Глядя на то, как пальцы старика ловко управляют с картиной, Ершов постарался затушить внутренний пожар. В крови бурлила бутылка виски, выпитая прямо с утра, так что успокоиться удалось далеко не сразу.

В конце концов, подумал он, они со стариком – одного поля ягоды. Братья по несчастью.

«Надо же, однорукий покупает картину у немого...» – усмехнулся Ершов.

Жизнь порой бывает чертовски иронична.

Отсчитав несколько купюр, он передал их старику. Тот вручил покупателю упакованную в толстую бумагу картину.

– Это вы ее написали? – неожиданно для себя задал вопрос Ершов.

Старик несколько секунд непонимающе смотрел на него, потом решительно замотал головой. Слишком резко, как показалось Ершову.

Он жадно вглядывался в новое приобретение, почти не

моргая. Теперь, в тишине своей квартиры, когда вокруг не шныряли прохожие, а звуки клаксона не резали слух, он смог полностью погрузиться в атмосферу картины.

Спустя, казалось, многие часы тихого, трепетного созерцания Ершов кое-что заметил. Кое-что, похоже, упущенное им при покупке. А именно – тоненькую вертикальную черточку вдоль правого края.

Черная линия начиналась примерно с середины полотна и останавливалась наверху, не доходя до вершины сантиметров десять. Выглядела она так, словно кто-то прочертил ее по линейке простым карандашом, разве что более черным и насыщенным.

Ершова будто окатило ушатом ледяной воды. Неужели брак? Не может быть, ведь он внимательно все рассмотрел, особое внимание уделив как раз правому краю...

Внутренний голос не преминул напомнить о количестве выпитого за день виски, и Ершов стыдливо опустил глаза. Не забыв, впрочем, сделать глоток из зажатой в руке бутылки. Он уже давно преодолел тот рубеж, после которого главным критерием являются не качество и вкус, а наличие или отсутствие дозатора. Из горла все-таки удобней. К чему использовать рюмки, создавая видимость приличия? А главное, перед кем? К сорока годам Ершов так и не обзавелся семьей и теперь полагал, что это вряд ли когда-нибудь произойдет. Крепкие напитки помогали на время забыть, что в этой жизни у него есть лишь он сам (пусть и с одной рукой)

да купленные им картины.

Пристрастие к живописи появилось у него вскоре после аварии. Вышло так, что Ершов все же прислушался к одному из советов. Прислушался главным образом потому, что в нем одновременно имелось рациональное зерно и отсутствовала тупая жалость.

– Найди себе новое увлечение, – сказал ему однажды коллега-редактор. – Если не научишься отвлекаться, сам не заметишь, как прогрызешь мыслями собственный мозг...

Покинув больничные стены, Ершов в полной мере осознал правоту этих слов. Просиживая день за днем в пустой квартире, он чувствовал себя песочными часами, из которых высыпали весь песок. В душе будто пробили гигантскую дыру. Таковую, что и самой души почти не осталось. Он понимал, что либо залатает эту дыру, либо шагнет с крыши собственного дома навстречу неизвестности.

И тогда Ершов решил собирать картины. Искусством он интересовался еще с молодых лет, хотя экспертом себя не считал. В старших классах молодой и дерзкий Виталий Ершов даже пытался что-то рисовать, грезя о карьере художника, наполненной страстями и соблазнами, вином и женщинами, и бесконечным вдохновением... Увы, отсутствие таланта быстро стало очевидным. К слову, способность трезво смотреть на вещи была у Ершова уже тогда. С тех пор он, бывало, почитывал книги по истории искусств, смотрел тематические видео в интернете, иногда посещал выставки, стара-

ьясь не забрасывать старое увлечение.

Насупленный, он вышел из комнаты и вскоре вернулся с лупой в руке. Подошел к картине вплотную и принялся рассматривать неизвестно откуда взявшуюся черточку через увеличительно стекло. Ничего нового не узнал – черная линия оставалась всего-навсего черной линией. Неожиданный дефект испортил радость от покупки столь необычного произведения.

Тогда Ершов решил подробно изучить все остальные элементы на картине, раз уж лупа все равно была у него в руке. Он внимательно и подолгу разглядывал каждое из лиц, затем перешел к общей панораме ярмарки. И тут его ждал сюрприз.

Наведя лупу на предмет в нижнем левом углу, который он изначально принял за небольшую веточку, Ершов увидел, что никакая это не веточка, а крошечная надпись. Буквы были настолько мелкие, что разобрать их даже с помощью многократного увеличения получалось с большим трудом.

И все же ему удалось прочесть три коротких слова: «Он видит тебя».

Ершов отложил лупу и сделал жадный глоток. Дождался, пока обжигающая волна миновала горло и спустилась по пищеводу, после чего вновь взялся за лупу. Таинственная фраза никуда не делась.

Он припомнил отсутствующее на полотне название. Может, это оно и есть?

Если и так, название показалось Ершову до неприличия странным. Да еще и написано настолько мелким почерком, словно художник не хотел, чтобы его послание кто-нибудь разобрал. Но тогда зачем вообще его оставлять?

Впрочем, художники сплошь эксцентричные ребята, что с них взять...

Воодушевившись, Ершов снова принялся водить лупой по картине, тщательно вглядываясь в каждый мазок, каждый штрих. Дольше всего он рассматривал черточку вдоль правого края. Однако других надписей так и не обнаружил.

Ершов отметил это еще парой глотков односолодового.

Когда он вновь опустил взгляд, ему показалось, что пресловутая линия стала чуть шире.

Взявшись собирать собственную коллекцию, Ершов сразу определили для себя два основных принципа.

Первое – произведение должно быть подлинным. Репродукций он на дух не переносил, считая их «ксерокопиями». Ему хотелось обладать только подлинными картинами, теми, которые художник создавал с нуля, имея в голове лишь Идею. Именно так – Идею, с большой буквы. Данное правило значительно сузило количество работ, что были ему по карману, в результате чего стены его двухкомнатной квартиры украшали картины в основном малоизвестных или вовсе не известных широкой публике авторов.

Вторым принципом являлся сюжет. Ершов покупал исключительно те произведения, что отличались необычным содержанием, непривычной перспективой либо же диковинной техникой исполнения. Он тихо ненавидел типичные натюрморты и пейзажи, а современный абстракционизм и вообще приводил его в бешенство. Талант художника при этом не играл для него большой роли. На стенах своего дома он желал видеть лишь те полотна, что казались интересными лично ему. Те, что заключали в себе «изюминку» и цепляли, словно крючком, его душу.

Сам Ершов предпочитал называть это «занозой». Ею он обозначал картины, что продолжали раз за разом возникать перед его мысленным взором еще долгое время после того, как он впервые их видел. Это могло быть как произведение целиком, так и отдельный, даже незначительный, элемент. Именно эту занозу Ершов и считал тем самым изначальным искусством, незримой энергией, которую передавал через картину художник и что впоследствии трансформировалась в чистые эмоции у зрителя.

Следующим утром он проснулся, по обыкновению, рано. Первым делом сварил себе крепкого черного кофе, добавив туда немалую дозу виски, после чего решил еще раз взглянуть на вчерашнее приобретение. Неторопливо пройдя в гостиную, Ершов сначала оглядел полотно, с необычного ра-

курса изображавшее петербургский двор-колодец и квадрат хмурого неба над ним. Его он купил несколько недель назад. Затем перешел к висевшей рядом картине под названием «Ведьма». На ней разъяренные крестьяне с вилами и факелами атаковали зловещего вида избушку с соломенной крышей, где предположительно обитала ведьма. И лишь потом, чувствуя себя в достаточной мере готовым, Ершов остановился перед «Ярмаркой», как он про себя окрестил новинку.

Оказалось, черточка не привиделась ему вчера с пьяных глаз. Более того, теперь она казалась уже не черточкой, а вполне внушительной линией. Ершов не представлял, как мог не заметить ее при первом осмотре.

Вздохнув, он отхлебнул кофе и вернулся к нарисованным на картине людям. Взирали поочередно на каждое из многочисленных лиц и размышлял о том, каким характером, профессией и статусом в обществе мог обладать тот или иной персонаж. Поймав себя на нехарактерных абсурдных мыслях, Ершов встряхнулся. А когда снова посмотрел на картину, то едва не вскрикнул.

Правый край изменился. Черная линия расширилась еще больше, но испугало Ершова не это. Там, где оканчивался ее нижний край, он разглядел контуры чего-то нового. Далеко не сразу он догадался, что видит два человеческих пальца.

Мизинец и безымянный палец отчетливо проступали на самом краю полотна, так, словно находились на нем всегда. Но ведь Ершов помнил, что никаких пальцев там не было!

Проглядеть маленькую черточку – еще куда ни шло, но не заметить целых два пальца он никак не мог.

Оставив чашку с недопитым кофе на столе, Ершов пулей метнулся за лупой. Тщательный осмотр не выявил ничего из ряда вон. Обнаружилось, что пальцев на самом деле не два, а почти три – у среза проглядывал, помимо мизинца и безымянного, еще и краешек среднего, который большей частью оставался «за кадром». Создавалось впечатление, что художнику не хватило места, чтобы изобразить всю кисть целиком. Пальцы казались обычными, разве что кожа отливала неестественной бледностью, словно кисть была сделана из фарфора. Цветом она напомнила Ершову собственный протез, которым он иногда пользовался, выходя в люди.

Сантиметр за сантиметром он изучал другие части картины в поисках возможных изменений. Однако все, кажется, оставалось по-прежнему. Но когда Ершов, вконец утомленный, решил еще раз взглянуть на пальцы, то инстинктивно отшатнулся. Лупа упала на ковер.

Теперь кисть у правого края виднелась целиком. Все пять пальцев были прорисованы детально.

А еще он понял, что черная линия прямо над кистью, увеличившаяся еще больше, была совсем не линией.

Это был рукав черного пиджака.

После утренних событий Ершов вышел прогуляться, бла-

го был выходной. Откровенно говоря, он чувствовал себя неудобно, находясь в одной квартире рядом с картиной, менявшейся буквально на глазах. Ершов прослонялся в городе до темноты, инстинктивно хватаясь за любой повод, позволявший подольше не возвращаться домой.

Прогуливаясь по бульвару и лениво разглядывая прохожих, он вдруг осознал, что находится буквально в пяти минутах ходьбы от Краеведческого музея, где торговал картинами немой старичок. Ершов не раздумывая направился туда. Он был решительно настроен найти продавца и добиться от него сведений если не о странных свойствах картины, то хотя бы о ее авторе. Или о том, откуда старик вообще ее взял.

Однако Ершова ждала неудача. На углу у музея не было и следа стихийной торговой точки, не говоря уж о продавце.

На город опустились сумерки, и Ершов нехотя направил стопы обратно в свою берлогу. В течение дня он не раз возвращался в мыслях к таинственному полотну и еще более таинственным изменениям, что произошли с ним буквально за день. В первую очередь он уважал логику и рациональный подход к решению любой проблемы. Но здесь ни то, ни другое не работало. Ершов не понимал, с чем столкнулся, не понимал, как могли на самой обычной, написанной маслом картине появляться новые элементы, которых раньше не было и в помине. В конечном счете он решил, что стал жертвой зрительной иллюзии, но и такое объяснение не принесло желанного успокоения.

Тем не менее, отпирая замок квартиры, Ершов вынужден был признать: он боится картины и того, что может на ней увидеть.

Прямо с порога, не разуваясь и даже не потрудившись запереть входную дверь, он направился в гостиную. Картина, разумеется, висела на прежнем месте. На секунду Ершов замер, не решаясь подойти. Мысленно обругав себя за трусость, он все же приблизился к полотну.

Толпа людей на ярмарке все так же взирала вправо, куда продолжала указывать девочка. Но в той стороне виднелся лишь рукав черного пиджака и выглядывающая из него кисть руки.

С утра картина не изменилась, Ершов был в этом уверен. Ему даже не требовалось брать линейку, чтобы убедиться, что ширина рукава не увеличилась и на сотую долю миллиметра. Никаких новых объектов он тоже не обнаружил.

Пусть рука и не исчезла с полотна (на что Ершов втайне надеялся), его все-таки успокоил тот факт, что преобразования на картине прекратились. С легким сердцем он разделся и завалился спать.

На следующее утро Ершов умудрился не услышать звук будильника, из-за чего чуть не проспал начало рабочего дня. К счастью, уже несколько лет он работал из дома, и тратить время на дорогу не требовалось. Наспех перекусив бутербро-

дами и выпив кофе (пока без капли алкоголя), он включил компьютер.

О картине Ершов даже не вспомнил.

На работу после аварии он вернулся так быстро, как только смог. В ней он видел еще один способ отвлечься от тяжелых мыслей и внутренней пустоты. Отсутствие конечности почти не мешало работе редактора, поскольку Ершов довольно быстро наловчился печатать одной рукой.

Работы в тот день было так много, что он не поднимал головы до самого вечера. Лишь когда на спальный район начали постепенно наползать сумерки, Ершов наконец встал из-за стола и размял затекшую спину.

И тут же подумал о «Ярмарке».

В гостиной он с интересом (но не без внутренней дрожи) подошел к полотну. На картине по-прежнему ничего не изменилось, и Ершов даже почувствовал легкое разочарование. Неужели волшебство закончилось? Или изменения настолько мелкие, что он их попросту не видит?

Ершов вновь вооружился лупой и принялся обшаривать глазами картину. При этом он старался запомнить все мелкие детали, вплоть до масляных мазков. Делал он это, как всегда, неторопливо и методично. Каково же было его изумление, когда, перейдя к изучению торчавшей из пиджака руки, Ершов увидел не только ее, но и правую штанину с ботинком, а также небольшую часть корпуса.

Поперхнувшись, он отшатнулся от картины. То, что у фи-

гуры внезапно появились новые детали, которых точно не было несколько минут назад, напугало его не на шутку. Одновременно с этим в голове возникла мысль, поразившая Ершова едва ли не больше самих изменений: «Это происходит только тогда, когда я смотрю на нее».

Он решил, что, вероятно, близок к правде. Картина ничуть не поменялась за весь вчерашний день, пока он отсутствовал дома, да и за сегодня тоже. Изменилась она, пока рассматривал ее через лупу.

И все же это не объясняло главное – как и почему происходит трансформация?

Ершов шумно сглотнул и осторожно приблизился к «Ярмарке». Благодаря новым деталям стало очевидно, что справа художник изобразил высокого человека в черном костюме и черных же ботинках. Высокого? Да если использовать масштаб картины, он был просто гигантом! Остальные люди на картине казались лилипутами по сравнению с ним.

Но больше всего удивляло другое. Человек был нарисован висящим в воздухе. Его ботинки застыли на внушительном расстоянии над землей. Зачем художнику вздумалось именно так располагать таинственного человека в костюме, Ершов не представлял. Что ж, как минимум это объясняло страх на лицах посетителей ярмарки...

Но странности на этом не заканчивались. При взгляде на высокого человека, как его про себя назвал Ершов, создавалось впечатление, что тот нарисован неправильно. Он обла-

дал непропорционально длинными ногами, настолько длинными, что казалось, будто вместо ног у него ходули. Рука, что была видна на картине, тоже свисала ниже положенного, доходя почти до колена. Туловище, напротив, казалось слишком коротким.

Взгляд Ершова упал на мелкую надпись в левом углу.

«Он видит тебя».

Не этого ли высокого человека имел в виду художник?

И человека ли?

Поедая скромный ужин, Ершов раздумывал над тем, как ему быть дальше. Перед этим он больше часа шерстил интернет, но попытки найти хоть какую-нибудь полезную информацию оказались бесплодными. Впрочем, шансов изначально было не много. Гугл ничего не знал о картине с подобным сюжетом, что подтверждало догадку Ершова – полотно наверняка принадлежит кисти малоизвестного художника, скорее всего даже местного.

Вариантов, что делать с картиной, было несколько, начиная с демонстрации ее свойств кому-либо еще вплоть до уничтожения. В итоге решение пришло само собой, будто со стороны.

Ершов понимал, что ему попало нечто крайне необычное – не просто очередная картина, выполненная талантливым живописцем, но вещь с секретом. Чтобы раскрыть его до

конца и увидеть все, что скрыто за гранью, надо всего лишь смотреть. Видеть. Наблюдать.

Ершов решительно встал из-за стола, прихватил открытую бутылку виски и направился в гостиную. Начал с того, что сдвинул журнальный столик к стене. Затем бережно снял картину со стены и установил ее на стол. Пододвинул сбоку удобное мягкое кресло, сел. Теперь «Ярмарка» находилась точно на уровне его глаз.

Ершов сделал большой глоток из бутылки и приготовился ждать. Он жадно вглядывался в масляные мазки, пытаясь поймать момент, когда композиция вновь начнет меняться. В конце концов, это почти то же самое, что просмотр кино, только в ультразамедленной съемке.

Ершов переводил взгляд с одного нарисованного лица на другое, затем принимался рассматривать высокого человека. Тот стал виден отчетливее – теперь можно было разглядеть его правое плечо. Еще чуть-чуть, и появятся контуры головы, а там и лица... Да, именно лицо и хотел увидеть Ершов. Лицо – и глаза. Интуитивно он чувствовал, что все идет именно к этому. Надпись гласила: «Он видит тебя». Вряд ли она появилась на картине случайно.

Разглядывая проступающий силуэт в черном костюме, Ершов в очередной раз подумал, насколько же этот человек высокий. Гротескный гигант в чистом виде. Но, помимо роста, в нем имелось что-то еще. Ершов долго не мог понять, что именно напрягает его в высоком человеке. И только сей-

час до него дошло.

Необычной была его поза. Если большинство персонажей было нарисовано в профиль, то высокий человек почему-то находился анфас – лицом не к посетителям ярмарки, а к зрителю, что смотрел на картину.

«Он видит тебя» – неотвратимо стучало в голове.

Ершов снова взглянул на толпу людей, в ужасе застывших перед высоким человеком. На картине что-то неуловимо изменилось – угол зрения немного сместился, словно все люди одновременно и незаметно отошли вглубь. Вскоре Ершов понял почему.

Высокий человек все больше проступал на полотне, словно кто-то медленно проворачивал невидимое колесико мыши, уменьшая зум. Общая композиция постепенно отъезжала назад, в результате чего фигуры людей на ярмарке отдалялись, а в кадр все больше «вплывал» высокий человек.

Ершов вспомнил свои ощущения при покупке. Тогда он обратил внимание, что центр картины смещен, а кусок справа будто бы обрезан. Теперь все становилось на свои места.

Вскоре на картине показалась правая часть головы, повернутой под неестественным углом, и нечто сбоку, напоминавшее ромбовидное свиное ухо. Затем проявилась шея вместе с обмотанной вокруг нее толстой веревкой, уходящей вверх. Очертания виселицы позади высокого человека подсказали, почему он висел в воздухе.

Когда начало проступать лицо повешенного, Ершов за-

дрожал. Он вдруг ясно осознал, что совершенно не хочет видеть это лицо, не желает фиксировать в своей памяти ни одну из его ужасающих черт...

Ершов попытался отвести взгляд, но не смог пошевелиться. Картина захватила его волю настолько, что он не мог даже моргнуть. Глаза почти вылезли из орбит, но он все смотрел и смотрел, смотрел и смотрел на проявляющееся на полотне лицо того, кого он именовал высоким человеком...

Как только Ершов вновь почувствовал себя в состоянии двигаться, он отпрыгнул в сторону и вывалился с кресла на ковер. Удар был ощутимым, но пошел на пользу. В голове немного прояснилось. Ершов лежал на полу и лихорадочно мигал, увлажняя сухие глазные яблоки. Гостиная, поначалу расплывчатая и затуманенная, постепенно возвращала себе прежние очертания.

– Наваждение... – бормотал Ершов как заведенный. – Проклятое наваждение...

Тяжело дыша, он поднялся на ноги. На картину он старался не смотреть. Не хватало еще, чтобы она снова загнипнотизировала его, насильно приковав взгляд к тому существу на виселице. Вспомнив подобие лица, показавшееся на картине, Ершов вздрогнул. Такое он точно не забудет до конца своих дней.

В ванной, тщательно споласкивая измученные глаза хо-

лодной водой, он внезапно пришел к простому и оттого удивительному выводу. Психоделика. Всего лишь гребаная психоделика. Ершову приходилось слышать об экспериментах с картинами, написанными специально, чтобы воздействовать на подсознание и сводить человека с ума. Вроде бы подобные техники живописи даже ставились на вооружение военными. Ершов не верил в подобные теории заговора и уж точно не предполагал, что ему попадет подобная вещь.

Сплюнув, он взглянул на себя в зеркало. Волосы взъерошены, глаза покраснели от лопнувших капилляров, руки заметно подрагивают. Ершов неторопливо вернулся в гостиную. Картину он намеревался переложить в шкаф, а завтра выбросить в мусор. А еще лучше – развести костер и уничтожить ее. Он старательно отводил глаза от «Ярмарки», но все же скользнул по ней мимолетным взглядом. И не смог не заметить новых изменений.

Повешенного на картине больше не было. Одинокая виселица пустовала. Но этим изменения не ограничились.

Взглянув на девочку в светло-голубом сарафане, Ершов разом понял все. Но было уже слишком поздно.

Девочка больше не показывала вправо. Теперь она стояла лицом к зрителю, а ее вздернутый пальчик указывал прямо на Ершова. Точнее, ему за спину.

Развернувшись, Ершов увидел силуэт высокого человека в дальнем углу гостиной.

Вокруг непропорциональной фигуры клубились тени. Го-

лова была свернута набок, в точности как на картине. Со сломанной шеи свисала веревка.

Выждав почти театральную паузу, высокий человек сделал шаг вперед.

В предрассветных сумерках дверь в квартиру Виталия Петровича Ершова тихонько приоткрылась. Седобородый старичок, торговец живописью и антиквариатом, неслышно проскользнул внутрь. В этот раз ему даже не пришлось пускать в действие свой набор отмычек. Дверь была не заперта с позавчерашнего вечера, когда Ершов вернулся с прогулки по городу.

Старичок некоторое время постоял в прихожей, разглядывая пустую квартиру. Повел носом, будто принюхиваясь, после чего безошибочно отправился в гостиную.

Картина, изображавшая ярмарку, валялась на полу. Старичок бережно поднял ее, коснулся пальцами масляной поверхности, сдул несуществующие пылинки. Улыбнулся.

Аккуратно упаковав ее в принесенную с собой толстую бумагу, он так же незаметно покинул квартиру.

Подкручивая усы, Петр Данилович разглядывал необычное полотно и разве что не жмурился от удовольствия. Где-то в сердце приятно свербело, как бывало всегда после удачной покупки. А в этот раз она была без сомнения удачной.

Выйдя на пенсию, Петр Данилович решил полностью посвятить себя давнему увлечению – собиранию картин. Благодаря скопленному за жизнь капиталу – пусть не очень большому, но все же ощутимому – он мог время от времени баловать себя новым приобретением.

Сегодняшняя покупка не нанесла особого ущерба бюджету (милый старичок, продавший картину, вряд ли догадывался о ее истинной стоимости), но имела все шансы стать жемчужиной в коллекции. Нет, ну надо же, какой экземпляр! Петр Данилович как никто другой знал, что талант художника всегда проявляется именно в деталях, а уж здесь они были исполнены поистине великолепно. Разумеется, любопытен был и сюжет картины – испуганные посетители ярмарки и маленькая девочка, указывающая куда-то вправо. В той стороне, однако, ничего не было. Картина словно обрывалась, почти как серия какого-нибудь новомодного сериала, на самом интересном месте. Вероятно, во всем этом есть глубокий смысл, заложенный автором. Петр Данилович пообещал себе подумать над этим на досуге.

Вглядываясь в лица, он не уставал поражаться, насколько кропотливо прорисован каждый человек. Взять хотя бы этого однорукого господина. Grimаса ужаса на его лице бесподобно реалистична. Да и сам он – ну прямо как живой!

Тут Петр Данилович издал удивленное восклицание, когда заметил тоненькую вертикальную черточку вдоль правого края...

Палатка

Я очень люблю одиночные пешие походы.

Нет, не так. Правильнее будет сказать – я очень *любил* одиночные пешие походы. Не знаю, хватит ли у меня духу еще когда-нибудь остаться в лесу на ночь, тем более в одну ночь...

Я не мизантроп, вовсе нет. Есть у меня и друзья, и девушка, да и с коллегами иногда выбираемся в бар на кружку-другую пива. Все как у всех.

Но иногда наступает момент, когда хочется просто побыть одному. Отгородиться на пару дней от внешнего мира и погрузиться во внутренний. Уединиться в тишине со своими мыслями – без телефона, планшета или компьютера. Дышать полной грудью и никуда при этом не спешить. У вас такое бывает? «Перезагрузить голову», вот как я это называю. Говорю это для того, чтобы придирчивый читатель сходу не воскликнул – а какого лешего ты оказался один в ночном лесу?

На самом деле история эта началась еще до наступления темноты. Шел второй день моего долгожданного отпуска – и, соответственно, второй день настолько же долгожданного похода. Те, кто хорошо меня знают, не удивятся, что эти две вещи совпали. Отпуск я часто провожу в очередном походе,

благо мое место жительства идеально соответствует подобному хобби.

Поясню: я живу в небольшом городке одной из центральных областей нашей родины. У его северной оконечности начинается лесной массив, простирающийся на несколько сотен километров. Гор как таковых здесь нет, но местность холмистая, так что скучать не приходится. В общем, настоящее раздолье для людей вроде меня.

Название города указывать не буду. Меньше всего мне хочется, чтобы кто-нибудь взялся искать этот лес и обнаружил то, на что наткнулся в тот день я...

Дабы разнообразить маршрут, я попросил приятеля отвезти меня на машине подальше, километров за сто. Леса недалеко от города я знал хорошо, но в той части раньше не бывал. Вот и решил – почему бы не исследовать новую местность?

Поход я планировал сделать трехдневным. Три дня – самый подходящий срок для подобного предприятия, уж поверьте опытному человеку. Хватает, чтобы перезагрузиться и отдохнуть, при этом не нужно таскать с собой слишком много съестных припасов и воды. В четвертый день утром я должен был выйти обратно к шоссе, сделав полный круг, после чего на попутках доехать до города.

Тогда я и не предполагал, что уже к полудню третьего дня выбегу из леса в невменяемом состоянии, оставив большинство своих вещей в лесу...

Но – обо всем по порядку.

Итак, подходил к концу второй день моего путешествия. Август только-только прибрал бразды правления, но уже успел замучить город жарой. Впрочем, леса это не касалось – там всегда царила освежающая прохлада. Прогноз давал ясную погоду на все три дня, что не могло не радовать. Ветра почти не было. Я не спеша пробирался меж высоченных сосен, берез и осин, величественно сомкнувших кроны над моей головой. Изумрудный мох покрывал поваленные стволы. Под ногами в траве шмыгали мелкие зверьки.

Если кто не в курсе, поход в глухой лес – совсем не то же самое, что прогулка в парке. Иногда мне приходилось буквально прорубать себе путь сквозь разросшиеся кустарники и бурелом. Рельеф тоже добавлял сложностей, но меня это только раззадоривало. Я шел вперед, время от времени сверяясь с компасом, и наслаждался каждым мгновением.

День стремительно катился к вечеру. Приятная усталость в ногах давала о себе знать, и я принялся искать место для ночлега. Вокруг все еще было по-летнему светло, но я понимал, что это ненадолго. Ночь в лесу всегда наступает резко, почти без сумерек. До темноты нужно успеть не только установить палатку, но и насобирать хвороста для костра и приготовить ужин.

Вскоре мне на пути попала небольшая полянка. Она располагалась на равнине и была с двух сторон окружена густым кустарником. Иными словами, идеальное место для но-

чевки.

Я сбросил на землю тяжелый рюкзак, привычными движениями поставил палатку. Минут десять отдохнул, вытянувшись внутри в полный рост. Следующим пунктом в списке значился костер. В желудке заурчало от голода, и я, не мешкая, отправился на поиски сухих веток, что стодились бы в качестве дров.

Дождей давно не было, так что хвороста вокруг хватало. Я сделал несколько ходок и уже предвкушал будущий ужин, когда заметил палатку.

Чужую палатку.

Находилась она в паре сотен метров от места моей ночевки. Палатку почти полностью скрывали из виду густые кустарники, росшие неподалеку, из-за чего я ее поначалу не заметил. А когда заметил, первым делом подумал, что меня глючит, настолько неожиданно было обнаружить в таких дебрях другого человека.

«Кто-то тоже на ночлег устроился», – пронеслось в голове.

Около минуты я тупо смотрел на палатку, размышляя, что делать дальше. Затем крикнул:

– Эй, люди!

Мне никто не ответил, лишь с ветки соседнего дерева вспорхнула птица, испуганная моим криком.

Чем ближе я подходил, тем отчетливее понимал, что поспешил с выводами. Палатка выглядела заброшенной, причем заброшенной явно не вчера. Середина безнадежно про-

висла, а ткань обильно покрывали грязь и прошлогодняя листва.

Нехорошее предчувствие шевельнулось в душе. Захотелось повернуть назад, но вместо этого я опустился на четвереньки и откинул полог.

Первое, что я ощутил, был запах. Дичайшая вонь разложения забила в нос, отчего меня едва не вывернуло. Но еще до того, как отшатнуться, я успел разглядеть три неподвижно сидящих силуэта.

Я подавил приступ тошноты, восстановил дыхание. Достал карманный фонарик, с которым никогда не расставался. Включил. Передо мной один за другим предстали три разлагающихся трупа. Первый, тот, что полусидел-полулежал ближе ко входу, был мужским. Остальные два, насколько я мог судить, – женскими. Все трое опирались на сложенные позади сумки и рюкзаки. Фонарик высветил разбросанную одежду, чьи-то ботинки, пластиковую бутылку с каплями конденсата внутри, отсыревшие одеяла и спальники. Пустые глазницы мертвецов в упор уставились на меня, и я отвел взгляд. К горлу вновь подкатил ком тошноты.

Даже моих общих знаний хватило, чтобы определить: трупам несколько месяцев. Вряд ли больше – если бы эти трое куковали здесь с прошлого года, от них остались бы одни скелеты. Сейчас же тела скорее походили на высохшие мумии. Да и палатка бы не пережила зиму, банально обрушившись от снега и дождя. Значит, они тут с весны.

Внизу что-то блеснуло. Я опустил фонарик, и слабый луч света выхватил небольшой круглый предмет, похожий на медальон. Лежал он рядом с раскрытой ладонью мужчины, словно тот выронил его после смерти. Приглядевшись, я увидел, что к медальону привязана тоненькая цепочка. Обратный ее конец все еще висел на большом пальце своего хозяина.

Заинтригованный, я аккуратно взял медальон в руки. Выпуклый деревянный корпус покрывали выжженные знаки, светившиеся золотистой краской – они-то и привлекли мое внимание. Знаки не походили ни на один известный мне алфавит. Скорее они напоминали руны. Я взвесил медальон на ладони. Он оказался гораздо тяжелее, чем представлялось со стороны. Вероятно, сердцевина все-таки была металлической.

С первого взгляда было понятно, что медальон старинный. Настоящий антиквариат. Наверняка он перевидал с десятком хозяев, а то и вовсе являлся семейной реликвией. На потертой задней стенке виднелись царапины. Медальон казался не просто старым, а по-настоящему древним. Есть у старинных вещей такая особенность – берешь в руки и сразу чувствуешь, что он из другой эпохи. Словно предмет за годы существования вбирает в себя всю тяжесть времени.

В городе у меня есть один приятель, промышляющий торговлей антиквариатом и всякими древностями. О нем я и вспомнил, когда вертел медальон в руках. Уж он-то точно

определил возраст предмета, а заодно поможет расшифровать покрывавшие его знаки-руны.

Я решительно опустил медальон себе в карман.

Нет, не подумайте – я не собирался мародерствовать, ни в коем случае. Но этот деревянный кругляш с неизвестными надписями манил меня, да так сильно, что я и мысли не допускал о том, чтобы оставить его гнить в палатке в компании трех мертвецов. Поймите меня правильно – не так часто в нашей жизни удается отыскать что-то действительно необычное. А от этого медальона отчетливо веяло чем-то неведомым и таинственным. Возможно, даже пугающим. Присутствовала в нем какая-то внутренняя сила. Все это притягивало почище любого магнита.

Вспомнился услышанный где-то совет – до приезда полиции нельзя ничего трогать на месте преступления. Но меня это не волновало: я не собирался заявлять о найденных трупах. Дело даже не в том, что я не смог бы показать место их обнаружения. С этим как раз проблем не возникнет. Имелся у меня и GPS-трекер, и другие способы, по которым можно без труда отыскать нужную точку. Причина гораздо более прозаична – я не хотел лишних проблем. Во времена бурной молодости мне не раз доводилось общаться с доблестными полицейскими, и повторять этот опыт я отнюдь не стремился. Еще, чего доброго, повесят на меня смерть этих троих...

Можете называть меня несознательным гражданином, но я скажу так: тем троим в палатке все равно уже не помочь,

а мне проблем и так хватает. Рано или поздно на них кто-нибудь набредет – либо грибники, либо такие же, как я, любители активного отдыха.

На четвереньках я попятился к выходу из палатки, преувратившейся в склеп. Поежился, бросив прощальный взгляд на трех мертвецов. Отчего-то показалось, что они смотрят на меня осуждающе.

Свежий воздух наполнил легкие, и меня отпустило. Я спешно зашагал по направлению к своей палатке, изо всех сил стараясь не оглядываться.

На полянке я развел костер с подветренной стороны и уселся рядом. Тепло от огня приятно согревало ладони. Пусть на дворе лето, но костер все равно разводить надо. Костер в лесу – первое дело. И еду приготовить, и освещение, да и просто – ради уюта. К слову, насчет еды мои планы поменялись. Неприятная находка напрочь отбила аппетит. Я без удовольствия пожевал несколько хлебцов, после чего решил вскипятить в котелке воду и выпить горячего чая.

Как ни старался я думать о сторонних вещах, мысли рано или поздно возвращались к скорбной находке. И чем дольше я размышлял об этом, тем более странной казалась мне история с палаткой и ее обитателями.

Вопрос первый – что с ними случилось? Предположим, они такие же туристы, отправившиеся в поход. Предположим, что они заблудились. В таком случае смерть застала бы их в пути, в тот самый момент, когда они пытались найти

выход из леса. Просто сидеть в палатке не имело никакого смысла.

Вариант с насильственной смертью тоже не подходил. Во-первых, откуда в глухом лесу взяться грабителю, а во-вторых, никаких следов борьбы я не заметил. Палатку во время стычки наверняка бы разрезали или перевернули, но здесь ничего подобного не было.

Тогда что? Что могло заставить трех человек покорно встретить свою смерть в палатке посреди леса?

Ладно, вопрос второй. Почему тела не объело зверье? То, что трупы долгое время находились в полном распоряжении местной фауны, – факт. За несколько месяцев от них должны были остаться лишь обглоданные кости. Но тела этих троих, кажется, никто не трогал. Никаких мух, опарышей или червей в палатке, кстати, тоже не было.

Мне стало не по себе. Я то и дело косился влево, где располагалась палатка с тремя безмолвными фигурами внутри. Видеть ее я не мог – слишком далеко, к тому же нас разделяли несколько рядов кустов и деревьев. Но мне все равно чудилось, что вон там, между стволами, проглядывает тент провисшей посередине мутной ткани, а в слегка приоткрытый полог виднеется...

Нет, стоп. Я с силой мотнул головой. Ничего этого нет, я сам себя накручиваю, вот и чудится всякое. Надо выбросить из головы глупые мысли, иначе и с ума сойти недолго.

Я задумался, не поискать ли другое место для ночлега, по-

дальше от проклятой палатки. Но времени не оставалось – вокруг уже сгущались сумерки. Не пройдет и десяти минут, как наступит полнейшая темнота. Идти наугад по ночному лесу – еще хуже, чем провести ночь по соседству с мертвецами.

Я сдался и подбросил в костер свежих веток. Тот благодушно потрескивал, разгоняя обступившую вокруг тишину.

Наконец, вопрос третий. Что это за медальон? Почему именно его держал в руках в последние минуты жизни мужчина?

Я достал необычную вещицу из кармана. Потряс ею в воздухе, но внутри ничего не застучало. Принюхался. От медальона исходил едва уловимый хвойный аромат. А может, мне просто показалось. Провел пальцем по деревянной поверхности и выжженным на ней таинственным знакам. На всякий случай, дабы не потерять ценную вещь, я переложил медальон в рюкзак. Затем вернулся к костру и затушил его оставшейся в котелке водой. Пора было ложиться спать. Я юркнул в спальный мешок, пообещав себе, что завтра, едва забрезжит заря, уйду отсюда как можно быстрее и как можно дальше.

Не уверен, что именно меня разбудило. Наверное, какой-то ночной звук, который мой сонный разум не сумел опознать. Так или иначе, я открыл глаза. Вокруг была пол-

нейшая темнота. Наручные часы показывали час ночи. Затаив дыхание, я вслушивался в окружавшие меня звуки. Сплю я крепко и на обычные лесные шумы вроде уханья совы или стрекота цикад никогда не реагирую. Чтобы вырвать меня из сна, звук должен быть очень громким либо его источник должен находиться совсем близко от меня.

Где-то вскрикнула птица, спустя пару секунд ей вторила другая. Кажется, козодои. В остальном лес оставался безмолвным. Я уже начал незаметно проваливаться в сон, когда где-то невдалеке громко хрустнула ветка. Следом раздалось два шаркающих звука.

Шаги?

Встрепенувшись, я приподнялся на локтях. Сердце ухнуло куда-то вниз. Кровь набатом стучала в ушах.

Кто мог прийти сюда? Дикий зверь, учуявший человека? Лиса? Волк?

Нет, судя по звукам, животное было крупнее и тяжелее.

Неужели медведь?

Я сглотнул вязкую слюну. Незванный гость, кем бы он ни был, затаился. Возможно, догадался, что его обнаружили. В голове крутились памятки о том, что делать, если встретил в лесу опасного зверя, но ничего толкового на ум не приходило. Мозг в экстремальной ситуации просто выключился. Единственное, что я смог вспомнить, – ни в коем случае не проявлять к зверю агрессию. Что ж, с этим я справлялся весьма успешно, дрожа всем телом и боясь пошевелиться.

А что, если мне просто показалось? Или животное заметило присутствие человека, да и убралось восвояси?

В тишине прошло минут пять. Страх постепенно уходил, я расслабился.

И тут снова послышались шаги. Уже гораздо ближе.

Я решительно вылез из спального мешка. В конце концов, хватит уже трястись, как маленькая девочка. Если это зверь, то надо его отогнать, и дело с концом.

Аккуратно приподнял полог. Перед палаткой никого не было, но меня это не успокоило. Я включил фонарик, крепко сжал в руке охотничий нож и все-таки выполз.

Едва оказавшись снаружи, я вскочил на ноги и лучом света очертил круг, почти как Хома Брут. Полянка, на которой я устроился, казалась пустынной – во всяком случае, на первый взгляд. Хоть в чем-то мне повезло – луна стояла высоко в небе и давала достаточно света.

Я медленно обошел полянку, пошуршал ветками кустов, несколько раз громко топнул, чтобы отогнать живность. При этом я изо всех сил старался не смотреть в ту сторону, где затаилась другая палатка. . . Не выдержав, я все же посветил туда фонарем. Ничего, конечно, не разглядел. На даже от осознания, что она там, становилось неуютно. Особенно ночью.

Я вздрогнул и поспешил обратно в палатку. Торопливо залез в спальник и закрыл глаза, хотя и понимал, что вряд ли засну до рассвета. Я лежал и думал о том, что впервые в жизни испугался леса. Никогда, с самого первого похо-

да вдвоем с отцом много лет назад, он не казался мне угрожающим. Да, я знал об опасностях, но не принимал их близко к сердцу. Наоборот, я всегда считал лес своим другом. Только здесь мне становилось по-настоящему хорошо и свободно.

Что-то изменилось в этот раз. Лес больше не был добр ко мне. Теперь он таил угрозу, как злобно жужжащее осиное гнездо.

Занятый подобными размышлениями, я, к своему удивлению, заснул очень быстро. Сквозь сон до меня продолжали доноситься приглушенные шаги и шорохи, но я уже не обращал на них внимания. В конце концов, мало ли в лесу любопытных зверушек, шастающих по ночам...

Наступило утро. Солнечные лучи пробивались сквозь приоткрытый полог, рассеивая ночные страхи. Я сладко зевнул, потянулся. Эх, сейчас сварганю горячего кофейку и...

Стоп. Приоткрытый полог?

С чего ему быть приоткрытым? Неужели ночью я его не закрыл?

Я сел, осмотрелся – и закричал.

Я кричал и кричал – от ужаса, от жуткого осознания, от пугающей иррациональности всей ситуации.

От сладкого гнилостного запаха, наполнявшего ноздри.

От распотрошенного рюкзака.

От знакомого трупа мужчины, неподвижно сидевшего рядом со мной – и сжимавшего в костлявой ладони свой медальон!

Похоронный дом

1

В углу стояла каталка – настоящая, металлическая и явно не новая. Гладкая серая поверхность ловила на себе редкие лучи света, что достигали ее убежища. Четыре колесика снизу были опутаны паутиной. Каталка притаилась в закутке между стеной и лифтом. Наверное, потому он и не замечал ее до сих пор. Крайнов хотел прикоснуться к холодной поверхности, убедиться, что все происходит наяву. Но не смог заставить себя протянуть руку.

На этой каталке перевозили мертвецов. А потом готовили к похоронам – здесь же, в подвале.

Все встало на свои места. И водопровод с лифтом, за чем-то проведенные в подвал, и странная деревянная конструкция наверху в гостиной. Правда раскрылась во всей своей ужасающей простоте, как сгнивший изнутри цветок.

Крайнов судорожно сглотнул. Очки съехали на кончик носа. Колени дрожали так сильно, что едва могли удерживать вес его тела. В голове билась мысль: Дерек был прав.

Дерек, мать его, был прав.

Откуда-то сверху раздалось несколько равномерных глухих стуков.

2

Прошедшая неделя показалась Крайнову одним нескончаемым калейдоскопом. По большому счету, такими были все три года после его переезда в США. Ныне он – Алекс Крайнов, легальный резидент штата Калифорния, программист-разработчик одного из гигантов индустрии биотеха в Кремниевой долине. Но так, конечно, было не всегда. Еще совсем недавно не существовало никакого Алекса, как не существовало высоких пальм и океанского побережья. Три года назад были родной московский двор, родительская двушка в хрущевке и ненавистная работа. И был он – Саша для мамы, Санек для папы и исключительно Сашенька для бабушки. Теперь все это осталось далеко позади.

Сидя на лавочке в парке Цезаря Чавеса в центре Сан-Хосе, Крайнов вспоминал, как приехал сюда три года назад. В памяти остались дикая усталость после перелета, часовая очередь на паспортный контроль и строгие лица пограничников. В те первые дни все вокруг казалось другим. Не лучше и не хуже, просто – другим. Но прошло время, и Крайнов привык. Привык к постоянно влажному воздуху, к смеси английской и испанской речи, к сумасшедшим дедлайнам и долгим вечерам в офисе, к большим порциям в корпоративной столовой и огромным тележкам в супермаркетах. Научился откликаться на Алекса, улыбаться по поводу и без, освоился на работе и подтянул и без того хороший английский.

Солнце опускалось за крыши небоскребов, растворяясь в

сумерках затухающего дня, чтобы затем воскреснуть палитрой искусственных огней. По обеим сторонам узкого парка шумели машины. Чуть меньше получаса назад Крайнов покинул офис, но решил не ехать в Редвуд-Сити, где компания снимала для него крохотную студию. Вместо этого он забронировал на ночь номер в одном из отелей Сан-Хосе. Дорого, но ничего – сегодня можно. Душа требовала праздника. Пусть его не с кем было разделить, Крайнова это не печалило. Сегодня его вообще ничего не могло опечалить.

Крайнову хотелось, чтобы этот день не заканчивался никогда.

3

Утром его вызвал к себе Джо, тимлидер их команды. Вызвал, как обычно, по внутреннему мессенджеру. И даже сопроводил сообщение смайликом, что для Джо было нетипично. Постучав в кабинет начальника и услышав заветное «Come in!»¹, Крайнов почти не волновался. Вряд ли он где-то сильно накосячил. Свою работу он знал хорошо и делал ее старательно. Но корпоративная Америка – зверь особый. Здесь могут уволить за одну неосторожную фразу. Крайнов знал такие случаи и за три года понял, что лучше всего держать язык за зубами, а свое мнение – при себе.

И все же он удивился, когда кроме Джо увидел в кабинете еще трех человек. Полноватую темнокожую женщину

¹ (англ.) «Входите!»

он не знал. Парень со смазливym лицом – кадровик Стив, с ним Крайнов уже пересекался. А вот мужчина посередине... Крайнов не помнил его имени, но пару раз видел на общих презентациях. Высокая шишка, на уровне директоров. Какие дела у него могли быть с обычным девелопером?

Все четверо сидели за п-образным столом Джо. И, конечно, улыбались.

– Алекс, проходи. – Джо почти за руку усадил Крайнова на приготовленный для него стул, затем рефлекторно провел ладонью по своей натертой до блеска лысине. Верный признак, что начальник нервничает. Волнение тут же передалось и Крайнову.

Как оказалось, зря. В своей фирменной суетливой манере Джо сообщил, что компания очень довольна его прогрессом и настало время сделать следующий шаг. Он говорил про новый проект мобильного приложения для одного из брендов компании и про то, как важно, чтобы его возглавил знающий человек. Крайнов слушал и не верил тому, что слышит. Ему не просто предлагали повышение – его ставили во главе нового проекта!

– У тебя будет своя команда, – продолжал Джо. – Сначала небольшая – три-четыре специалиста. Но когда проект продвинуется, добавим еще людей по необходимости. Работу начнете со следующей недели, а пока надо будет кое-что подготовить. Я пришлю инструкции тебе на почту. Проект это важный и перспективный, поэтому каждые две недели

ты будешь отчитываться о прогрессе лично мистеру Блэкстоку. – Он указал на мужчину посередине.

В довесок к новой должности с приставкой «senior» Крайнову полагалось почти двукратное увеличение зарплаты, дополнительные шесть дней отпуска, а также новое жилье поближе к офису.

– И это даже не квартира, Алекс, – с гордостью сообщил Джо. – Это самый настоящий двухэтажный дом в Купертино. Просторный, с пятью спальнями, двумя ванными комнатами и гаражом. Стив покажет тебе его на этой неделе. Если ты согласен, можешь переезжать хоть в этот уикенд!

Тот факт, что компания сняла для него дом, значил для Крайнова едва ли не больше, чем само повышение. Учитывая цены на жилье в Кремниевой долине, компания предоставляла дома только топовым сотрудникам. Остальные вынуждены были ютиться в дешевых студиях в десятках миль от офиса. К тому же Купертино – ближний пригород, почти Сан-Хосе. Пятнадцать минут на машине, и ты уже в офисе.

Мистер Блэксток привстал и протянул Крайнову руку.

– Мы верим в тебя, Алекс. Жду первого отчета о проекте ровно через две недели.

Рукопожатие было коротким и крепким.

Тут же откуда-то сбоку возник Стив с пачкой документов, которые следовало подписать.

В среду после ланча Крайнов вместе со Стивом поехали осматривать дом. Стив был за рулем и во время поездки не замолкал ни на секунду. Крайнов вполуха слушал его излияния про уютный район, низкий уровень преступности и едва ли не лучший во всей Калифорнии климат. Сквозь боковое окно «теслы» он разглядывал ухоженные дворы и подъездные дорожки, искусно выполненные живые изгороди и развесистые вязаы по обеим сторонам широкого тротуара. Богатый пригород представлялся Крайнову другой планетой, райским уголком для избранных. И теперь он – один из них.

Дом поразил его. Построенный из кирпича, он сильно отличался от соседей, да и вообще от большинства домов, что приходилось видеть Крайнову в Калифорнии. Испанским колониальным стилем здесь и не пахло. Скорее это походило на викторианскую готику, хотя Крайнов не так хорошо знал архитектуру, чтобы сказать наверняка. Впрочем, какая разница – главное, чтобы был функционал.

А функционал был, да еще какой. Осмотр начали с холла первого этажа, который привел их к огромной, прямо-таки гигантской гостиной. Над головой возвышался дорогой кессонный потолок, из сердцевины которого свисала массивная кованая люстра. Мебели было не много – диван, пара роскошных кресел, несколько стульев и телевизор на стене. Плотные тяжелые шторы создавали в помещении приятный полумрак. Стопы тонули в мягком ворсистом ковре.

В углу, у самого коридора, стояло пианино.

– Почти вся мебель осталась от бывшего хозяина, – пояснил Стив.

Помимо гостиной, на первом этаже находилась еще одна просторная и совершенно пустая комната, а также ванная и небольшая кухня с двумя окнами, что выходили на заросший сорняками задний двор. На втором этаже располагались спальни, кабинет и еще одна ванная. Второй этаж оказался меблирован гораздо лучше первого. Мебель, по словам Стива, была «новоанглийская и качественная».

Ко всему прочему в доме имелся просторный подвал, что фактически превращало его в еще один полноценный этаж.

– В подвале есть водопровод, – рассказывал Стив. – Так что, при желании, можно оборудовать там еще одну ванную. Когда обзаведешься семьей, это может пригодиться. Попомни мои слова: для большой семьи не бывает слишком много ванных комнат!

Крайнова особенно удивил лифт, с помощью которого можно было перемещаться между двумя этажами и подвалом. Лифт был старый, с решетчатыми створками, которые надо было раздвигать и сдвигать вручную. Крайнову еще никогда не доводилось пользоваться такими лифтами. Механизм скрипел и стучал, но работал исправно – вместе со Стивом они дважды проехали из подвала на второй этаж и обратно.

– Как тебе? – спросил Стив, когда они закончили осмотр.

– Фантастика, – выдохнул Крайнов и не покривил душой.

Переезд назначили на субботу.

Сборы не заняли много времени. Один из плюсов жизни в небольшой студии состоял в том, что вещей она вмещала мало – впрочем, не настолько мало, чтобы обойтись собственным автомобилем. Пришлось вызывать грузовое такси, услуги которого оплатила компания. Хорошо хоть, удалось обойтись без грузчиков.

Около полудня, когда солнце с неумолимостью маньяка выжигало Калифорнийскую землю, наконец приехало такси. Водитель, крупный мужик с накачанными бицепсами и байкерскими усами до самой шеи, напомнил Крайнову Пола Теутула-старшего из «Американского Чоппера». Татуировки на обоих предплечьях дополняли образ.

Водитель, к счастью, оказался отзывчивым и помог перенести вещи в машину. Помощь пришлась очень кстати – щуплому Крайнову вряд ли удалось бы дотащить все самому.

– Ты что, весь Редвуд-Сити с собой берешь? – хохотнул водитель, пока они вдвоем спускали самую тяжелую коробку по узкой внешней лестнице со второго этажа, где Крайнов жил последние три года.

Пробок в это время дня почти не было, и до Купертино они доехали быстро. Аллея вязов возле нового жилища Крайнова создавала желанную тень, и работа по перемещению вещей в новый дом пошла значительно бодрее.

Когда с вещами было покончено, Крайнов на радостях отвалил таксисту целую сотню чаевых. Тот деловито сунул купюры в карман, пожал Крайнову руку, затем осмотрелся по сторонам.

– Мрачновато здесь, – вдруг сказал он. – Будь я на твоём месте, не стал бы здесь жить.

– Почему? – ошеломленно спросил Крайнов.

– Сам не знаю... Домик вроде неплохой, просторный. Но атмосфера какая-то тяжёлая. Будто напряжение в воздухе, как перед грозой. Разве не чувствуешь?

Крайнов лишь пожал плечами.

– Ладно, не парься. Наверное, мне после жары так кажется. – Таксист махнул рукой. – Но ты все же открой шторы, а то совсем темно...

6

Оставшись в одиночестве, Крайнов первым делом отправился исследовать дом. Странные замечания таксиста ничуть не испортили ему настроение. В конце концов, теперь он живет в настоящем частном доме, фактически в особняке!

В гостиной он поддался искушению и начал перебирать клавиши пианино. Играть он не умел, но сам факт наличия инструмента ему нравился.

«Буду брать уроки по выходным», – решил Крайнов, и тут его взгляд наткнулся на деревянную конструкцию, которую

он не сразу заметил. Он подскочил с табурета и подошел ближе. Сначала ему показалось, что это длинный журнальный столик со стеклянной поверхностью, но стеклянного верха у необычной конструкции не было вообще. Высотой около метра, она целиком состояла лишь из нескольких лакированных ножек, что оканчивались вверху широкими дощечками. Присмотревшись, Крайнов обнаружил механизм, благодаря которому высоту и даже угол наклона дощечек можно было регулировать как угодно. Судя по всему, конструкция служила подставкой, но под что именно, Крайнов, как ни старался, понять не мог.

После гостиной он отправился в другую комнату первого этажа. Втайне он надеялся, что компания успеет как-то меблировать ее до переезда, но комната оставалась пустой. Не страшно, он найдет, под что ее приспособить. Идеи уже рождались в голове, сменяя одна другую. Размеры позволяли устроить здесь и бильярдную, и библиотеку, и даже офис для удаленной работы.

Крайнов усмехнулся, вспомнив, как во время предыдущего сеанса по скайпу бабушка все спрашивала, когда же он «бросит наконец свою Америку» и вернется назад, в Москву. Он любил и бабушку, и родителей и старался приезжать в гости хотя бы раз в год. Но они не понимали, что для него возвращение домой было сравни погружению в прошлое. Променять все то, чего он добился здесь, на жизнь, которую он ненавидел?

– Никогда, – тихо произнес Крайнов. Затем набрал полную грудь воздуха, развел руки в стороны и с силой крикнул:
– Никогда!

Пустота нового дома с готовностью проглотила его слова. По пути на кухню он прошел мимо второй входной двери, что располагалась с боковой стороны дома. Массивные двустворчатые двери вели прямо к застывшему в безмолвии лифту. Зачем было делать еще один боковой выход, да еще такой широкий? Лично ему бы хватило и двух – главного и того, что выходит на задний двор, – но его, конечно, никто не спрашивал. У американцев свои причуды, а у того, кто жил здесь до него, их явно было предостаточно.

Перед тем как начать разбирать вещи, Крайнов решил перекусить. На кухне выяснилось, что холодильник, пусть и рабочий, совершенно пуст. Рассчитывать на то, что работодатель обеспечит его еще и продуктами, было слишком оптимистично. Пришлось, несмотря на адскую жару, отправиться в ближайший «Таргет»² за покупками.

7

На следующее утро Крайнов вышел из дома пораньше. Хотелось прогуляться и осмотреть окрестности нового для него района. Делать это следовало часов до девяти утра, пока не началось пекло.

Оказавшись на тротуаре, он заметил ниже по тротуару

² «Таргет» – сеть супермаркетов.

толстеного мужика в кепке с эмблемой «Доджерс». Крайнов никогда не понимал, как можно настолько не следить за собой, чтобы раздуться до размеров дирижабля. Количество не просто полных, а по-настоящему тучных людей даже в развитой Силиконовой долине поражало воображение. Сам он каждодневно следил за процентом жира, ИМТ³, калориями и физической активностью по смарт-часам.

Мужик тоже обратил внимание на Крайнова и помахал ему.

– Доброе утро, – пробасил он.

– Доброе, – отозвался Крайнов.

Мужик решительно направился к нему.

– Похоже, мы теперь соседи, да? – Собеседник улыбнулся и поправил кепку. – Что ж, добро пожаловать в Купертино. Меня Дерек зовут, я живу вон там.

Он показал на первый дом слева.

– Алекс, – представился Крайнов, и они пожали руки.

– Как тебе домик? – поинтересовался Дерек.

– Потрясающий. Никогда бы не подумал, что доведется в таком пожить.

– Это да. – Дерек кивнул. – Дом кирпичный, добротный.

А ты, я вижу, не суеве́рный?

– В каком смысле? – не понял Крайнов.

– Ну я про то, чем этот дом был раньше. Как он использовался.

³ ИМТ – Индекс массы тела.

– И как он использовался?

– А ты разве не знаешь?

Разговор начал раздражать Крайнова, но где-то на уровне подсознания зазвенел тревожный звоночек. Крайнов заставил себя молча дожидаться ответа Дерекса.

– Сынок, я сожалею, что именно я тебе это говорю – по-хорошему, тебе должен был рассказать об этом агент по недвижимости, – но твой новый дом много лет использовался как похоронный.

Сердце Крайнова пропустило удар. Дыхание на несколько секунд перехватило, словно его ударили под дых.

– Посмотри туда. – Дерекс указал через забор. – Видишь в земле две небольшие ямки? Там раньше стояла вывеска «Похоронный дом Кауфмана». Ее только недавно убрали – после того, как старый Кауфман умер, а дом выставили на продажу.

– Вы шутите, да? – глухо спросил Крайнов.

– Какие уж тут шутки, когда я сам иногда помогал Эйбу Кауфману с похоронами. Их семья владела этим бизнесом еще с конца девятнадцатого века. Но в последние годы дела шли неважно, и Кауфман уже не мог держать у себя работников на полную ставку. Вот и нанимал время от времени людей по необходимости, в основном соседей, у кого постоянной работы нет. Таких людей больше, чем ты думаешь, сынок. Если ты не программист, то работы в долине не так и много. А цены, сам понимаешь, кусаются. Приходится хва-

таться за все, что предлагают.

Дерек на секунду замолчал.

– Если быть до конца честным, Эйб сам виноват в том, что семейный бизнес пришел в упадок. Он всегда был нелюдимым, а с возрастом стал и вовсе невыносим. Новые технологии не принимал, делал все по старинке. Еще и брюзжал все время. Вот и распугал всех клиентов. Раньше «Похоронный дом Кауфмана» был едва ли не самым уважаемым во всей долине, а в последние годы... Что тут говорить. Чаще всего пустым стоял. Вот и приходилось старику не только цены снижать, но и браться за самые плохие заказы...

Дерек осекся, поднял глаза на Крайнова. Тот, казалось, находился в полной прострации. Глаза за линзами очков смотрели мимо Дерека на дом.

– Как такое могло произойти... – чуть слышно выдавил Крайнов.

Его собеседник истолковал фразу по-своему и с готовностью принялся объяснять:

– В доме все было оборудовано как надо. Я много раз помогал Кауфману, поэтому хорошо знаю всю процедуру. Смотри – катафалк останавливался на подъездной дорожке у дома. Тело заносили через вон те боковые двери прямо к лифту. Затем его спускали в подвал, где находился морг. Там покойного бальзамировали и готовили к похоронам. Этим всегда занимался лично Кауфман. До церемонии тело хранилось в одной из холодильных камер там же, в подвале. В день

похорон гроб с телом поднимали на лифте на первый этаж и переносили в большую комнату, так называемую смотровую. Там его водружали на специальную подставку и устанавливали в центре, чтобы все присутствующие могли проститься с усопшим.

– Подставка? – перебил Крайнов. – Деревянная, которая на ножках?

– Именно, – удивился Дерек. – А откуда ты знаешь?

– Она стоит у меня в гостиной, – убитым голосом произнес Крайнов.

– Серьезно? Они ее не выкинули? Вот мерзавцы... Да, пожалуй, тебе она ни к чему. Лучше избавься от нее. Если хочешь, могу помочь вытащить на улицу. Подставка тяжелая, знаешь ли... А твоя гостиная – это, стало быть, та самая смотровая комната, о ней я и рассказываю. Кстати, вот еще что вспомнил. Во время церемонии по желанию клиента Кауфман наигрывал на пианино траурные марши. Живая музыка – одна из фишек «старой школы» похоронного бизнеса, которой он очень гордился. Так раньше часто делали. Ну а потом гроб с телом везли на катафалке на кладбище. Вот, собственно, и все.

– Как использовалась другая комната на первом этаже? – Крайнов вдруг вспомнил о пустом помещении.

– Другая комната? Там находился выставочный зал с гробами и атрибутикой для клиентов. Вроде как небольшой магазинчик.

В разговоре наступила пауза.

– Так в этом доме никто никогда не жил? – бесцветным тоном уточнил Крайнов.

– Да жили, конечно. Сами Кауфманы и жили, на втором этаже. Хотя за последние лет тридцать остался только Эйб, последний из Кауфманов. Там же находился и кабинет, где он вел переговоры с клиентами. Не все же время в подвале с покойниками возиться...

Дерек еще что-то говорил, но Крайнов его не слушал. Он чувствовал себя шариком, из которого выпустили весь воздух. Силы покинули его. Хотелось опуститься прямо на нагретую солнцем тротуарную плитку.

Дерек, видимо, догадался, что уже давно разговаривает сам с собой. Он прервался, понимающе похлопал Крайнова по плечу, что-то бодро сказал ему напоследок и удалился в сторону своего дома.

Крайнов долго смотрел ему вслед. Несмотря на тучную комплекцию, походка у него была резкая и пружинистая. Чем-то она напоминала Крайнову походку его собственного деда.

Дед... Как давно он о нем не вспоминал.

Вспомнил только сейчас. И Крайнов понимал почему.

После того, что он услышал от Дерека, Крайнов просто не мог о нем не вспомнить.

Дед Крайнова, Александр Львович – именно в его честь и назвали внука, – никогда не был толстым, как Дерек. Напротив, он всегда отличался поджарой фигурой. Даже когда получал генеральское звание. Даже когда с почестями уходил на пенсию. Впрочем, Крайнов в силу возраста знал деда только как военного пенсионера, хотя мог без проблем представить, каким тот был во время службы. А все потому, что генеральский нрав и строгость дед не растерял даже на пенсии.

Детство Крайнова пришлось на смутные девяностые. Родители в то время работали круглыми сутками – отец в милиции, мать в больнице, – поэтому чаще всего маленького Сашу забирали из садика дедушка с бабушкой. С ними он проводил большую часть дня, а иногда даже оставался ночевать, когда оба родителя выходили в ночные смены. Старшее поколение Крайновых проживало в отдельной трехкомнатной квартире на седьмом этаже престижной «сталинки». Саше нравилась эта квартира. Пусть обстановка была строго консервативной и не баловала излишествами, он все равно приходил в восторг от красивой лепнины на стенах, массивной старой мебели и высоких потолков, что казались недостижимыми. Однако восторг разбавлялся немалой долей страха, стоило ему слышать тяжелые шаги родного деда.

Крайнов-старший предпочитал держать внука, что называется, в ежовых рукавицах. Дед никогда его не бил, если не считать пары легких шлепков по пятой точке. Но Сашу каж-

дый раз бросало в дрожь от его взгляда, от угрожающе сдвинутых к переносице густых бровей и хорошо поставленного командного голоса. В такие моменты он понимал: сейчас будет взбучка за какую-то провинность. А закончится она словами: «Мужчины так себя не ведут».

Александр Львович старался с молодых лет привить единственному внуку чувство дисциплины и самостоятельность. Когда они вместе выходили гулять, Саше всегда приходилось спускаться велосипед самому. Дед считал, что так внук воспитает в себе мужской характер. На улице он никогда не покупал Саше ни конфет, ни мороженого. Когда тот начинал капризничать, дед строгим голосом говорил, что надо тренировать силу воли. Себя и бабушку он, к слову, тоже не баловал, считая роскошь недопустимой блажью. Даже крах Страны Советов не заставил его изменить своим убеждениям. Бабушка же, наоборот, при любой возможности (и обычно втайне от мужа) пыталась подкормить чем-то вкусеньким любимого внука.

Слабостей дед не позволял никому. При первых намеках на хныканье он смотрел Саше прямо в глаза и выдавал свое фирменное: «Мужчины не плачут. Ты мужчина или нет?». Под его строгим взглядом мгновенно высохали невыступившие слезы, переставал дрожать подбородок, а рыдания проглатывались, оседая где-то в недрах бездонной души очередной невысказанной обидой.

К счастью, Саша вскоре вырос и пошел в школу. С рабо-

той у родителей стало попроще, и визиты к бабушке с дедушкой сократились до одного раза в неделю, а иногда и того реже. Саша скучал по бабушке, которую очень любил, но радовался тому, что теперь не надо постоянно держать жесткую дедовскую дисциплину.

Впрочем, даже редкие визиты, бывало, доставляли проблемы. Однажды в субботу бабушка ушла на базар за продуктами, и они с дедом остались вдвоем. Оба сидели в гостиной – Александр Львович читал газету, нацепив на носочки, а Саша сидел на полу перед телевизором. Во время рекламы он отвел глаза в сторону и заметил на стене справа от себя гигантского (как ему тогда показалось) паука. Саша застыл на месте. К неудовольствию деда, ребенком он рос пугливым, а одно из первых мест в списке его фобий занимала боязнь всякого рода насекомых.

– Деда, там паук... – протянул он и тут же понял, какую ошибку совершил.

Дед посмотрел на него поверх очков.

– И в чем проблема? Прибей его тапкой.

Саша попятился от стены, не в силах оторвать взгляда от паука.

– А если он ядовитый? – пролепетал внук.

– Александр, ты мужчина или нет? – пророкотал дед, откладывая газету.

В конечном итоге он едва ли не силой заставил внука не только убить паука, но даже протереть влажной тряпкой

оставшееся пятно. По щекам Саши текли слезы, тело потряхивало мелкой дрожью. Ему казалось, что он в любой момент может потерять сознание от страха, но этого не случилось. Правда, не случилось и того, чего добивался дед, – фобия никуда не делась. Напротив, пауков Саша стал бояться еще больше.

С возрастом Крайнов начал понимать, что дед по-своему любил его и всего лишь хотел вырастить внука настоящим мужчиной, который ничего не боится. Он делал все, чтобы Саша не стал тем, кем он в итоге и стал. Но это было потом.

Когда Саше исполнилось десять лет, дед сделал худшее, что только мог.

Он умер.

9

Среди многочисленных фобий маленького Саши имелась и такая, которую современные медицинские справочники называют тафофобией. Разумеется, ее название Крайнов узнал лишь много позже. Но тогда, в детские годы, маленький Саша четко знал одно – он до ужаса боится похорон и любой похоронной атрибутики. Издалека завидев у какого-нибудь подъезда скопление людей, он всегда старался обойти процессию по широкой дуге, а иногда и вовсе поворачивал назад. Внутри, где-то в районе солнечного сплетения, неизменно появлялся неприятный холодок. Особенно его напрягали похороны с музыкой, каких в девяностые

в московских дворах было немало. Ничто не могло нагнать на него тоску настолько глубокую и всеобъемлющую, как нестройный оркестр, наигрывающий траурный марш у соседнего подъезда.

Похороны деда подняли его страх на капитально новый уровень. Дело было не в кончине Крайнова-старшего как таковой. Узнав о его смерти, Саша испытал инстинктивное облегчение. Следом нахлынули стыд и чувство вины. Ведь это не чужой человек умер, а его собственный дед! Саше казалось неправильным, что в такой момент он не может отыскать в сердце хотя бы немного скорби. Вместо этого в душе бурлил коктейль из разнообразных эмоций. Чувство потери присутствовало, но сверху на него накладывался страх перед дедом и смертью в принципе. Ко всему прочему на Сашу давило ощущение необратимости происходящего, пугавшее еще сильнее. Все это создавало странный диссонанс, смысл которого он не смог бы объяснить даже самому себе.

С такими чувствами он и стоял в день похорон в гостиной на седьмом этаже «сталинки», где на двух табуретках был установлен гроб с телом деда. Рядом на подушечке сверкали начищенные ордена. Большинство присутствующих тоже были в форме и при орденах. В помещении царила торжественная тишина. Саша знал, что сослуживцы деда хотели устроить церемонию в Доме офицеров, но якобы сам он завещал максимально скромные похороны в узком кругу родственников и друзей. В этом был весь Александр Львович.

Аскет и скряга по натуре, он даже после смерти не позволял себе шиковать.

Страх никуда не ушел, но пропустить похороны не было никакой возможности. Саша наблюдал, как незнакомые люди подходят к гробу по очереди, кивают, крестятся, иногда что-то тихо проговаривают про себя, после чего отходят, уступая место следующим.

Мама взяла его за руку и мягко подтолкнула вперед:

– Пошли попрощаемся с бабушкой.

Саша успел бросить взгляд влево, где в окружении родственников стояла бабушка. Голову ее покрывал черный платок. Красные заплаканные глаза заметили внука, и бабушка едва заметно кивнула. Это приободрило Сашу.

Лежавший в гробу дед был не похож сам на себя. Саша не мог понять, что изменилось, но желтоватое восковое лицо почему-то выглядело незнакомым. Дед больше не казался ему страшным. В сущности, это был просто старый человек. Старый мертвый человек.

На Сашу вновь навалилось чувство вины. Он уже собирался разлепить пересохшие губы и что-то сказать, извиниться, попрощаться – и тут лицо деда дернулось.

Саша похолодел. Показалось?

Откуда-то раздался громкий треск. Позади настороженно зашептались. Мамина ладонь сильнее сжала его руку.

Тело деда зашевелилось, затем будто бы покачнулось – и начало стремительно приближаться.

Все произошло настолько быстро, что Саша успел лишь отступить на шаг назад. Скорее всего, это мама оттащила его за руку, потому что сам он в тот момент потерял всякую способность двигаться. Не удержавшись на ногах, Саша опрокинулся на спину. А долю секунды спустя его погребло под собой что-то увесистое.

Как он узнает впоследствии, подломилась одна из табуреток под гробом. Их не раз ремонтировал сам Александр Львович, принципиально отказываясь снести отслужившую свой век мебель на свалку. В результате гроб с его телом едва не раздавил единственного внука. Иногда Саша думал, что так было бы лучше.

Вместо этого гроб рухнул на пол прямо перед ним, едва не задев ноги. Следом на Сашу навалилось тяжелое, пахнущее каким-то химическим запахом тело деда. Лицо мальчишки уткнулось в пыльную ткань военного кителя. Саше показалось, что дед обхватил его руками и собирается придушить. Он забарахтался, пытаясь выбраться. Дыхание перехватило, когда лицо деда оказалось в нескольких сантиметрах от его собственного. Холодный нос мертвеца коснулся его щеки. Истошный крик рвался из самых глубин подсознания, но Саша мог лишь кряхтеть и стонать под сдавившей грудь тяжестью. То ли от удара, то ли от тряски веки деда приоткрылись. Саше показалось, что тот сейчас разомкнет сшитые нитками губы, дыхнет на него гнилостным смрадом и строгим голосом спросит: «Чего хнычешь? Ты мужчина

или нет?».

Мучения длились от силы пару секунд, но для Саши за это время прошла целая жизнь. Потом его кто-то вытянул – кажется, папа – и он наконец смог вдохнуть. Вернулись звуки, комната наполнилась гулом и криками. Деда быстро подняли и уложили обратно в гроб, который в суматохе оставили прямо на полу. Сашу окружили встревоженные лица – побледневшие, но живые. Теплые ладони подхватили и поставили на ноги. Бедра почему-то были мокрыми. Он опустил глаза и заметил, как по новым светлым брюкам стремительно растекается темное пятно.

«Хорошо, хоть дед этого не увидел», – саркастически думал Крайнов, когда стал постарше. Такого позора тот бы ему точно не простил.

О происшествии, разумеется, узнали все, кто присутствовал на похоронах. Еще долго Саша ловил на себе сочувствующие взгляды родственников, но со временем научился не обращать на это внимание.

Бороться со страхом оказалось гораздо сложнее.

10

С тех пор страх преследовал Крайнова везде и всегда. Теперь он старался избегать не только похоронных процессий, но также кладбищ и всего, что было хоть как-то связано с ритуальными услугами. Перед поминками на девять дней Саша закатил истерику, отказавшись ехать на кладбище. При-

нимая во внимание случившееся на похоронах, родители не настаивали. Ситуация повторилась и на сорок дней, и через год. В результате могилу деда он так ни разу и не посетил. Дошло до того, что его пугали даже сцены похорон в фильмах. Их он старался побыстрее проматывать. В этом не было особой проблемы: фильмы он всегда смотрел так же, как проводил почти все свое время – в одиночестве.

Фобия доставляла немало неудобств. В студенческие годы Крайнов вынужден был пропустить похороны однокурсника, угодившего под машину. Даже тот факт, что это был один из редких людей, кого он с натяжкой мог назвать другом, не изменил его решения.

Переезд в Америку проблеме не помог, даже наоборот. Пожалуй, именно здесь он попал в самую неудобную за долгое время ситуацию. Случилось это полгода назад, когда Крайнову пришлось посетить похороны главы департамента. Покойный при жизни пользовался большим уважением коллег по цеху, благодаря чему провожать его пришли почти все сотрудники компании. Он был одним из тех, кто помогал Крайнову с его первыми проектами, когда тот был еще зеленым новичком. Пропускать такое мероприятие считалось непозволительным.

Во время церемонии Крайнов, одетый в торжественный черный костюм, стоял рядом с Джо в комнате для прощаний одного из похоронных домов Сан-Хосе. Американские похороны отличались от московских бóльшим лоском, бо-

лее богатой атрибутикой и официальной формой одежды, но на этом различия заканчивались. Знакомая тягостная атмосфера безошибочно угадывалась в приглушенных разговорах, редких всхлипах и терпком аромате цветов.

Крайнов то и дело поправлял галстук и безостановочно потел. Черная рубашка на спине под пиджаком была насквозь мокрая, и он знал, что дело тут совсем не в жаре.

Последовал легкий толчок локтем от Джо.

– Давай, Алекс, пошли попрощаемся с Тревором.

Вместе со страхом на Крайнова навалилось дежавю, настолько сильное, что игнорировать его было невозможно.

Нет, это было выше его сил. Крайнов остался на месте, напряженно глядя прямо перед собой.

Джо в недоумении обернулся.

– Алекс, ты идешь?

Крайнов отступил на шаг назад. Голова шла кругом. Он перестал понимать, где находится – в гостиной «сталинки» на седьмом этаже или в Сан-Хосе. Сколько ему сейчас лет – десять или почти тридцать? И кто, в конце концов, лежит в гробу?

– Нет, нет, – забормотал Крайнов на смеси русского и английского. – Прости, я не могу...

– Все в порядке, Алекс?

На них начали оглядываться. Крайнов сделал глубокий вдох и усилием воли вернул контроль над разумом и телом. Бормоча под нос извинения, он покинул комнату и вышел на

крыльцо. Как никогда хотелось на воздух.

Минуту спустя вышел Джо и присел рядом с ним на крыльцо похоронного дома. Начальник тактично молчал, и Крайнов решил сам начать разговор. То и дело сбиваясь, он поведал о своей фобии и о том, откуда она появилась.

– О, Алекс, мне так жаль. – Глаза Джо светились сочувствием. – Если бы я знал, ни за что бы не потащил тебя сюда. Прости меня, парень...

Джо приобнял его за плечи и еще долго извинялся. Так долго, что Крайнову даже стало неудобно. Он всегда ценил расположение Джо, да и остальных членов команды. В очередной раз он отметил, насколько американцы в этом плане отличаются от его бывших московских коллег.

11

Во сне Крайнов вновь стоял перед гробом деда.

То, что это сон, он понял сразу. За годы, прошедшие с похорон, дед снился ему столько раз, что Крайнов научился безошибочно определять момент, когда переступает территорию сновидений.

Страх сковал тело, не позволяя не то что шевелиться, но даже отвести взгляд от гроба. Так происходило всегда. Детали сюжета могли меняться, но константой всегда служила невозможность двигаться. Поганое чувство беспомощности охватило его. Крайнов понимал: вот-вот что-то произойдет, но был не в силах повлиять на события.

Дед зашевелился и медленно поднялся на локтях, будто после долгого сна. Пустые бельма глаз уставились на внука. Рот – или, скорее, *пасть* – раскрылась. Крайнов заметил ку-сочки порванных ниток на губах мертвеца.

– Будь мужчиной, тряпка! – раздался знакомый голос. Правда, исходил он почему-то не изо рта деда, а будто бы отовсюду.

Внезапно тело воспарило из гроба, словно его выдернули с помощью невидимых нитей. Левитируя в воздухе, как марионетка, оно начало приближаться к замершему на месте Крайнову. Руки деда распахнулись, приготовившись заключить внука в объятия.

Когда холодные губы почти коснулись его лица, Крайнов наконец проснулся.

Сердце гулко стучало в груди. Постель была влажной от пота. Смарт-часы сухо демонстрировали зашкаливающий пульс.

«Ну и ну», – подумал Крайнов, откидываясь обратно на подушки. Раньше сон снился ему чуть ли не каждую неделю. С возрастом воспоминания о том страшном дне поблекли, что повлияло и на сновидения. Со дня переезда за океан дед снился ему от силы пару раз. Но после того, что он сегодня услышал от Дерека, Крайнов не удивился вернувшемуся кошмару.

Подобным снам самое место в похоронном доме.

Крайнов перевернулся на другой бок, чтобы побыстрее за-

снуть снова. По опыту он знал, что это самое эффективное средство избавиться от последствий кошмара. Всяко лучше, чем лежать с открытыми глазами и вглядываться в окружающую темноту, боясь обнаружить замерший в углу силуэт...

Но заснуть ему не удалось. Мешал какой-то звук, на который Крайнов поначалу не обратил внимание. Равномерный стук был едва слышен. Шел он, по-видимому, откуда-то снизу. Стук – пауза, стук – пауза, стук – пауза.

Остатки ночного кошмара, подобно клубам утреннего тумана, все еще не до конца покинули разум Крайнова. Однако он понимал: звуки вполне реальные. Следовало проверить, что происходит. Он спустил ноги на ледяной пол. Тут же промелькнула шальная мысль:

«Почему здесь так холодно?».

Дом тонул в темноте. По пути вниз Крайнов везде включал свет. Про себя он отметил, что постукивания будто вытеснили все остальные звуки. Даже пение никогда не замолкавших цикад не доносилось снаружи. Крайнов прислушался. Здесь, на первом этаже, стуки были слышны лучше, но их источник явно находился еще ниже. Кроме как из подвала, взяться им было неоткуда. Спускаясь по лестнице, Крайнов понимал, что находится на правильном пути.

Крайнов остановился на середине лестницы, когда его взору предстал установленный в самом центре подвала гроб. Но больше всего его напугало даже не это.

Сердце подпрыгнуло к самому горлу, когда он увидел ря-

дом с гробом фигуру деда. На губах мертвеца, одетого в военный китель, застыла ухмылка. Правым кулаком он время от времени громко стучал по деревянной стенке гроба, издавая те самые стуки, которые привлекли Крайнова сюда.

– Думал сбежать от меня в Америку? – прошелестел мертвец.

Вновь голос шел со всех сторон.

Крайнов попятился и тут же споткнулся, полетев с лестницы вниз...

И лишь тогда окончательно проснулся.

Жаркое калифорнийское солнце пробивалось сквозь задернутые шторы. До звонка будильника оставалось десять минут. Крайнов лежал в постели и чувствовал, как по лицу двумя неровными дорожками текут слезы.

В то утро он решил осмотреть подвал внимательнее. Тогда он и нашел в одном из темных углов каталку.

12

Крайнов приехал в офис раньше обычного. За пару часов он разобрался с самыми срочными делами, после чего решительно направился в офис кадровиков.

Стив уже был на месте. На заваленном документами столе дымилась чашка с кофе. Ультраширокий монитор приветственно светился, но еще ярче светилась улыбка Стива. Правда, она слегка померкла, стоило ему разглядеть перед собой хмурое лицо Крайнова.

– Чем могу помочь, Алекс? – невозмутимо спросил Стив.

– Я хочу, чтобы мне поменяли жилье, – скороговоркой выдал Крайнов.

Лицо Стива приняло настолько удивленное выражение, словно ему только что доказали, что Земля плоская.

– Тебе не понравился твой новый дом?

– Это похоронный дом! – взорвался Крайнов. – Это бывший гребаный похоронный дом!

Офис Стива представлял собой отдельный кабинет, стены которого были полностью сделаны из стекла и почти не пропускали звуков. Тем не менее на крики Крайнова обернулось несколько человек из других офисов.

– Тише, Алекс, тише! – Стив приложил палец к губам. – Присядь, давай поговорим об этом.

Крайнов нехотя примостился на неудобный стул.

– Да, это правда, что здание раньше использовалось как похоронное бюро. Однако уверяю тебя, это совершенно нормальный дом...

– В подвале этого дома хранили мертвецов, – прошипел Крайнов. – Там был морг, понимаешь? А в гостиной по несколько раз в неделю проходили похороны!

– И что?

Крайнов не нашелся что ответить. Возмущение душило его, как удавка. Бесстрастное лицо Стива бесило еще сильнее. Неужели он в самом деле не понимает? Он вообще человек или нет? Что ж, по крайней мере, фальшивая улыбка

исчезла.

– Я понимаю, что это может быть неприятно, – наконец проговорил Стив. На Крайнова он старался не смотреть. – Но все, что там происходило, теперь в прошлом. Сейчас это просто дом. К слову, отличный двухэтажный дом с подвалом. Советую тебе воспринимать его именно так. Ты не хуже меня знаешь, что мы – один из глобальных лидеров биотеха. Мы движем мир вперед, претворяя в жизнь новые технологии. Могу тебя заверить, что глупые суеверия – последнее, что компания ожидает от своих сотрудников. Призракам не место в Кремниевой долине.

Крайнов молчал, не зная, как реагировать на слова кадровика.

– Тебе очень повезло, – продолжал Стив. – Заиметь отдельный двухэтажный дом совершенно бесплатно, да еще и недалеко от офиса, – многие даже мечтать о таком не могут! Ты же понимаешь, насколько тяжело найти жилье в долине. Предложений на рынке почти нет, а спрос гигантский. Любой недвижимый объект стоит миллионы долларов. Да, этот дом использовался как похоронный. Из-за этого цена была ниже, и компания смогла позволить себе купить его. И отдали его не кому-нибудь, а тебе, Алекс...

– Скажи мне, Стив, – перебил Крайнов, глядя кадровику прямо в глаза. – Лично ты согласился бы там жить?

Стив отвел глаза и забормотал что-то о неправильной постановке вопроса, ведь разговор идет не о нем... Но Край-

нову все стало ясно.

– Я же не прошу снять для меня другой дом. Просто верните мне мою квартиру в Редвуд-Сити, – взмолился он.

– Сожалею, Алекс, но это невозможно. – Стив покачал головой. – Там уже поселили другого сотрудника, который недавно приехал из Индии. Других свободных квартир сейчас нет.

Крайнов не сдавался, и под конец разговора Стив нехотя пообещал что-нибудь сделать. Возможно, рано или поздно удастся подобрать для него другое жилье.

– Но на это потребуется время, – сразу же добавил он. – Недели, а то и месяцы. Сам понимаешь, рынок жилья в долине – все равно что бои без правил...

Он снова улыбнулся.

– Поэтому мой тебе совет – постарайся выбросить из головы прошлое этого дома. Уверен, ты к нему привыкнешь, просто дай себе время.

Крайнову показалось, что лицо Стива вот-вот превратится в морщинистую физиономию деда и он по-русски скажет: «Будь мужчиной, в конце концов!».

13

Вернувшись вечером с работы, Крайнов заметил у подъездной дорожки фигуру Дерека. Тот явно дожидался его.

– Что-то случилось? – настороженно спросил Крайнов, выбираясь из машины.

В его прошлой московской жизни появление соседей на пороге означало одно из двух: либо их залили, либо кто-то умер, и теперь с каждой квартиры собирают деньги на похороны.

– Все окей, – замахал руками Дерек и смутился. – Я просто... Ну, хотел сказать тебе кое-что.

– Проходи. – Крайнов кивнул на входную дверь. – У меня есть бутылка отличного пино-нуар, прямиком из Сономы⁴...

– Нет-нет, я не буду заходить. – В подтверждение своих слов Дерек даже попятился. – Спасибо, но я буквально на пару слов. Хотел рассказать тебе кое-что про... Ну, ты понимаешь, про твой дом.

Крайнов облокотился на дверь своей «тойоты». Неужели еще один сюрприз?

– Вчера я рассказал тебе не все. – Дерек опустил глаза. – Вернее, самое главное ты знаешь, но есть еще один момент... В общем, я подумал, что тебе надо об этом знать. – Он переступил с ноги на ногу. – Я упомянул, что Кауфман умер, но не рассказал как.

– А это имеет значение? – Крайнов в недоумении поднял брови.

– Поверь мне, имеет. – Дерек откашлялся. – Прошлой осенью, в ноябре, старик упал с лестницы второго этажа и сломал себе шею. Понимаю, не такая уж это и редкость, тем бо-

⁴ Сонома – округ на севере штата Калифорния, один из основных винодельческих районов штата.

лее для пожилого человека, что живет один в большом доме. Но не все так просто. За пару недель до смерти Эйб жаловался нам, что в доме как будто обитает что-то еще. Вернее, не жаловался – Эйб вообще не такой человек был, чтобы жаловаться. Но пару раз в разговорах упоминал, что иногда вещи оказывались не на своих местах. А еще он собирался провести капитальный ремонт – якобы из-за усадки дома ему постоянно слышались какие-то стуки...

Крайнов похолодел.

– Наши смеялись над ним. Говорили, мол, у старины Эйба с возрастом шарики за ролики заехали. Немудрено при такой-то работе. Но я тебе скажу, что это все ерунда. Старик даже будучи в возрасте сохранил ясность ума. А проблемы в доме началось после того, как... В общем, после того, как Эйб согласился на один заказ, который не следовало брать.

Дерек вздохнул.

– Ты знаешь, что такое экзорцизм, так? – вдруг спросил он.

Крайнову показалось, что он ослышался.

– Экзорцизм?

– Да. Изгнание демонов из человека. Знаешь, что это такое?

– Ну, приблизительно...

– Окей. В общем, обряды экзорцизма проводят до сих пор – и в Америке, и вообще в мире. Иногда людям кажется, что в их родственника вселился демон, и они обращаются

за помощью к Церкви. Начинается расследование. Большинство таких случаев отсеивается, когда у человека находят какую-то психическую болезнь. Но изредка даже Церковь признает у кого-то наличие одержимости. Тогда после получения всех необходимых разрешений они отряжают специального священника либо одобренного Церковью экзорциста, чтобы провести обряд изгнания. Если ты хоть раз смотрел ужастики, то наверняка представляешь, что это такое. В жизни все происходит примерно так же. Проблема в том, что экзорцизм – опасное занятие. В первую очередь, конечно, для того, кто ему подвергается. Бывает, что обряд по тем или иным причинам приводит к смерти одержимого. Фильмы обычно на этом моменте заканчиваются. Но в реальной жизни тела этих людей нужно как минимум похоронить, а иногда необходимо еще и вскрытие, да и другие процедуры по подготовке тела к погребению. Догадываешься, к чему я веду?

Крайнов молчал, угрюмо глядя в землю.

– В общем, в середине октября Эйбу перепал один не совсем обычный заказ. Ты пойми, старик почти ничего не рассказывал, но по отдельным фразам и тому, что я сам видел, мне удалось составить общую картину. Как-то поздним вечером ему привезли тело дочери одного влиятельного в Сан-Хосе человека. Задача была поставлена четкая – тело должно быть готово к похоронам в три часа пополудни следующего дня. Человек, который привез тело – помощник отца покой-

ной, – не скрывал, что девушка погибла во время экзорцизма. Кауфман за ночь подготовил тело, а утром вызвал меня и еще пару ребят, чтобы помочь с похоронами. После церемонии, когда все разошлись, он впервые угостил нас пивом. Сколько я знал Эйба, никогда за ним не водилось таких широких жестов. «Старику захотелось поболтать», – посчитал я тогда. Но сейчас думаю, что он просто боялся оставаться один.

Дерек покачал головой.

– За следующие несколько недель Эйб сильно изменился. Как-то разом постарел, задряхлел. Морщин на лице заметно прибавилось. После этих похорон что-то в нем изменилось. А может, и не в нем вовсе... Я тебе вот что скажу, парень. Будь с этим домом поаккуратнее, окей? Кто знает, что там могло накопиться за все эти годы...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.